

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>

УДК 339

JEL F1, F2, F3

Е. Л. Андреева ^{а)}, **А. В. Ратнер** ^{б)}, **П. В. Ильясов** ^{в)}

а, б, в) Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства¹

Аннотация. Потребность России развивать торгово-экономическое сотрудничество со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и его партнёрами актуализирует исследование ресурсной взаимодополняемости участниц Большого Евразийского партнёрства (далее БЕП), влияющей на его контур. Цель настоящей статьи — обосновать интеграционные контуры БЕП и оценить вклад РФ и КНР в его формирование. Гипотеза состоит в том, что данный вклад в развитие интеграционных контуров является драйвером развития БЕП. Перспективное пространство БЕП определено как особого типа «партнёрство цивилизаций», оказывающее влияние на повышение роли и значимости сотрудничества России и Китая на евразийском пространстве. С помощью методов экономико-географического, экономико-статистического, исторического, логического анализа систематизированы соглашения ЕАЭС с партнёрами, проанализированы географический и отраслевой контуры сотрудничества, оценена роль РФ и КНР в БЕП. В результате исследования показана роль Евразии в развитии Россией и Китаем межцивилизационного партнёрства, а также выделены уровни интенсивности интеграции в важнейших сферах взаимодействия в БЕП: природно-энергетической, продовольственной, технологической, кадровой, интеллектуальной, инфраструктурной, валютно-финансовой. При выявленной экономической взаимодополняемости РФ и КНР следует отметить значительный перевес в пользу Китая в технологической (например, доля мощностей обрабатывающей промышленности — 69,9 % при 4,1 % у РФ), интеллектуальной (например, 95,4 % заявок на патенты при 1,3 % у РФ), инфраструктурной (60,6 % портового контейнеропотока при 1,2 % у РФ) сферах. Данные интеграционные преимущества следует использовать для развития перспективного пространства БЕП, предполагающего новое содержательное наполнение российско-китайского сотрудничества с учетом специфики стран и передовых производственных технологий, вносящих вклад в обеспечение энергетической, продовольственной, технологической и инфраструктурной безопасности евразийского пространства. Результаты исследования могут быть использованы органами власти и институтами развития различного уровня при формировании и реализации планов экономического взаимодействия ЕАЭС, России и Китая со странами-партнёрами по БЕП.

Ключевые слова: Большое Евразийское партнёрство, интеграционный контур, партнёрство цивилизаций, уровни партнёрства, сферы партнёрства, направления партнёрства, перспективное пространство сотрудничества, трансформация мирохозяйственных связей

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01505, <https://rscf.ru/project/25-28-01505>.

Для цитирования: Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Ильясов, П. В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. *Экономика региона*, 21(3), 630-642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>

¹ © Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Ильясов П. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Elena L. Andreeva ^{a)}, Artem V. Ratner ^{b)}, Petr V. Ilyasov ^{c)}^{a, b, c)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

The Role of Russia and China in Shaping the Integration Contours of the Greater Eurasian Partnership

Abstract. In light of Russia's goal to strengthen economic ties with EAEU members and key partners, an essential research task is to examine how the resources of Greater Eurasian Partnership (GEP) participants complement each other, as resource complementarity directly shapes the partnership's integration patterns. This study aims to substantiate the key contours of GEP integration and assess the respective contributions of Russia and China to its development. The underlying hypothesis is that their cooperation acts as a driving force behind the GEP. The GEP is conceptualized as a distinctive form of "civilizational partnership," which enhances the roles of Russia and China in the Eurasian space. Using methods of economic-geographical, statistical, historical, and logical analysis, the study systematizes EAEU agreements with external partners and examines the geographical and sectoral contours of the GEP. It also evaluates the roles of Russia and China within this framework. The study demonstrates how Russia and China are advancing an inter-civilizational partnership across Eurasia. It identifies the levels of integration intensity across key spheres of cooperation within the GEP: natural resources and energy, food, technology, human capital, R&D, infrastructure, and monetary-financial systems. The analysis highlights significant economic complementarity between Russia and China, alongside a notable imbalance favouring China. This disparity is especially pronounced in the technological sector, where China holds 69.9 % of manufacturing capacities compared to Russia's 4.1 %; in R&D, with China accounting for 95.4 % of patent applications versus Russia's 1.3 %; and in infrastructure, where China controls 60.6 % of container port traffic compared to Russia's 1.2 %. These integration advantages should be harnessed to shape the future development of the GEP. In order to achieve this, it is necessary to redefine Russian-Chinese cooperation by taking into account each country's economic strengths and to leverage advanced manufacturing technologies that enhance energy, food, technological, and infrastructure security. These findings may inform policy planning and economic cooperation strategies between Russia and its international partners.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, integration contour, civilizational partnership, levels of partnership, partnership spheres, partnership directions, prospective cooperation space, transformation of global economic relations

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, project 25-28-01505, <https://rscf.ru/project/25-28-01505>.

For citation: Andreeva, E.L., Ratner, A.V., & Ilyasov, P. V. (2025). The Role of Russia and China in Shaping the Integration Contours of the Greater Eurasian Partnership. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 630-642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>

Введение

Проблематика перспектив развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), в том числе возможностей его сопряжения с китайской инициативой «Один пояс, один путь» относится к одной из наиболее активно обсуждаемых как в российском, так и в международном научном пространстве. Востребованность данного понятия связана с объективными трансформационными процессами в мировой экономике, которые, по мнению С.Ю. Глазьева, характеризуются «образованием ядра нового интегрального мирохозяйственного уклада и формированием Большого Евразийского партнерства как широкой зоны гармоничного сотрудничества евразийских держав, разделяющих принципы этого нового уклада» (Глазьев, 2021). В Постановлении Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации

о развитии интеграции в целях формирования БЕП отмечается, что развитие БЕП — инициативы, предложенной Президентом РФ В.В. Путиным, — видится возможным посредством «объединения экономических потенциалов государств... и объединений... Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и за счёт сопряжения планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»¹. Прежде всего, это актуально в отношении России как важнейшего актора БЕП и Китая как крупнейшей экономики на евразийском пространстве.

Цель данного исследования — обосновать интеграционные контуры БЕП и оценить вклад РФ и КНР в его формирование. Предмет ис-

¹ Развитие экономической интеграции в целях формирования Большого Евразийского партнерства: Постановление СФ ФС РФ № 150-СФ от 21.05.2025 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/166648/> (дата обращения: 29.05.2025).

следования — развитие перспективного пространства БЕП с участием России и Китая. В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что соотношение вклада России и Китая в интеграционный контур БЕП является драйвером перспективного взаимодействия стран на евразийском пространстве.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить на основе анализа феномена партнёрств и его цивилизационного наполнения сущность перспективного пространства БЕП;
- предложить градацию БЕП по уровням интенсивности сотрудничества;
- обосновать важнейшие сферы взаимодействия в БЕП с участием РФ и КНР;
- оценить вклад России и Китая в интеграционный потенциал БЕП;
- обосновать направления взаимодействия России и Китая, укрепляющие интеграционный контур БЕП.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что определено перспективное пространство развития международного внешнеторгового и технологического сотрудничества России и Китая — БЕП, обоснованы его контуры, структура и формы взаимодействия, позволяющие создавать совместное пространство, способствующее укреплению российской и китайской экономик в условиях трансформации мирохозяйственных связей.

Развитие партнёрства с учётом межцивилизационного взаимодействия

Термин «партнёрство» занимает важное место в современных исследованиях мировой экономики и международных отношений. Он отражает изменение подходов к глобальному взаимодействию, особенно в условиях повышенной турбулентности и непредсказуемости традиционных внешнеэкономических связей. Рассмотрим различные научные подходы к его осмыслению.

Изначально термин «партнёрство» использовался в экономическом контексте, обозначая взаимовыгодное сотрудничество между организациями или государствами. Исторические корни этого термина восходят к идее совместной деятельности (от фр. «partenaire» — партнёр). Постепенно значение партнёрства расширялось, включая геокультурные и геополитические аспекты взаимодействия. Рассматривая эволюцию данного понятия, мы можем говорить о появлении в научном пространстве концепции «партнёрства цивилизаций», подчёркивающей необходимость

сотрудничества между странами и регионами, различающимися по своим культурным и историческим традициям. Согласно Дж.Е. Стиглиц, партнёрства, основанные на культурных ценностях, имеют более устойчивый характер, так как они способствуют гармонизации интересов и минимизации конфликтов (Stiglitz, 2002). М.Б. Пиотровский обосновывает важность сохранения «культуры наследия», которую он противопоставляет «культуре денег», отмечая, что «культурное наследие является национальной идеей, объединяющей людей, тогда как приоритет выгоды разрушает эту связь» (Санкин, 2008, с. 30). М.В. Рыбина говорит о «выявлении различных форм положительного взаимодействия цивилизаций (от диалога к партнерству), определяя основы для предполагаемого сотрудничества» (Рыбина, 2013).

Глобализация, с одной стороны, создала уникальные возможности для культурного обмена, с другой — усилила давление на локальные традиции. Российские исследователи подчёркивают ключевую роль культурного наследия как объединяющего фактора и акцентируют внимание на своём многовековом опыте сосуществования разных культур, что делает модель актуальной для международного уровня как инструмента устойчивого межцивилизационного взаимодействия. Это делает Россию уникальной площадкой для разработки механизмов партнёрства цивилизаций.

В западной научной литературе акцент делается на прагматических аспектах взаимодействия (Alesina & La Ferrara, 2005). Как отмечают исследователи, западные страны стремятся к построению многонациональных обществ, однако часто сталкиваются с вызовами интеграции и ассимиляции меньшинств (Giddens, 2000; Rodrik, 1997; Санаи, 2015). Западный подход основывается на попытке найти баланс между сохранением культурной идентичности меньшинств и необходимостью интеграции в доминирующее общество (Koopmans, 2013). Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (Huntington, 1996), получившая широкий резонанс в западном сообществе, вызвала многочисленные критические отзывы. По мнению А. Сена, такой подход не учитывает внутреннее разнообразие обществ и способствует усилению напряжённости между группами (Sen, 2006). К.В. Ракова, подчёркивая, что данный подход не способствует диалогу, а, напротив, акцентирует внимание на различиях и конфликтах, предлагает альтернативные модели сотрудничества (Ракова, 2021). Присутствуют и труды,

в которых каждая культура рассматривается как равноправный партнёр глобального взаимодействия (Gross-Golacka & Martyniuk, 2024; Diamond, 2024).

Особого внимания заслуживает китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества», предполагающая гармонизацию ценностей и создание систем взаимовыгодного сотрудничества. Это особенно актуально в контексте глобальных инфраструктурных проектов, таких как «Пояс и путь», которые предполагают интеграцию не только в экономической, но и в других сферах.

В контексте российско-китайского сотрудничества наблюдается стремление к созданию новой модели диалога, основанной на взаимопонимании и доверии (Фомина, 2022). Исследователи подчёркивают необходимость перехода от взаимодействия к углубленному партнерству, способствующему решению существующих и возникающих проблем.

Базой для развития международного партнерства России выступает ЕАЭС. Если еще в 2018 г. целью Большой Евразии считалось «качественное улучшение условий для экономического взаимодействия в Евразии и АТР» (Спартак, 2018), то принципиальным отличием «нового евразийства» является «выход центра евразийского континента из традиционной роли моста между Западом и Востоком и обретение им самостоятельного значения». В этом контексте, по мнению Т.В. Бордачева, именно ЕАЭС и Китай образуют его «жесткое ядро» (Бордачев, 2015). К.В. Бабаев говорит о понимании Евразии как сообщества, включающего Россию и Восток; как части мирового большинства, формируемого мегапроектами ЕАЭС, ШОС, частью БРИКС, китайской инициативой «Пояс и путь» (Бабаев, 2024).

При этом, что касается цивилизационного контекста, подчёркивается, что для развития Большой Евразии важно сохранение сформированных народами её стран цивилизационных ценностей (Герасимов, Коданева, 2023, с. 100), которые по своей сути комплементарны (Глазьев, 2024, с. 10).

Как отмечает А.В. Лукин, «интересы России и Китая встретились в Евразии, и их дружеские отношения привели к формированию ряда проектов сотрудничества», стали глубоким и тесным партнерством (Лукин, 2020, с. 46, 49). Здесь имеет место не только устойчивый спрос на товары страны-партнёра и опыт совместных производственных проектов, но и общие интересы в развитии международных валютно-расчётных отношений (Луконин, Вахрушин, 2023, с. 162, 174).

На развитие российско-китайского партнерства как важнейший межстрановой процесс в Большой Евразии указывает совместный доклад российских и китайских коллег (Бабаев, Фэн и др., 2023). Как отмечает Li (2018, р. 97–98), «в будущем согласование стратегий развития Китая и ЕАЭС будет способствовать построению Евразийского экономического партнерства». Идеи Большого Евразийского партнерства совпадают с духом китайской инициативы. «Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие... в евразийском регионе...» (Li, 2017). Еще один китайский коллега также считает, что Китай должен вместе с Россией и другими странами продвигать сотрудничество в Большой Евразии (Zhao, 2018, р. 84).

Что касается сотрудничества в отдельных сегментах, то можно отметить активное участие Китая в автомобильной отрасли России, а России — в атомной энергетике Китая (Хэ и др., 2020, с. 15). Как отмечают G. Jixiang & J. Jing, Россия и Китай — страны БЕП с наиболее высоким уровнем технологического развития (Jixiang & Jing, 2022), поэтому закономерно, что в последние годы между ними расширяются связи в наукоёмких отраслях, в совместном развитии технологий (Гавритухин, Иванова, 2023, с. 822). Чтобы развивать имеющийся потенциал, нужно интегрировать стратегию развития экспорта в национальную стратегию развития отрасли (Андреева и др., 2019, с. 585). Потенциал может быть связан также с тем, что Китай является катализатором цифровой торговли для других стран (Шкваря, Фролова, 2022, с. 486). Из перспективных направлений партнерства выделяют также сотрудничество в развитии Севморпути (Карпова, 2022, с. 114).

Динамика развития подходов к партнерству доказывает необходимость перехода от западных концепций доминирования и конфронтации к совместному поиску моделей сотрудничества. Сравнительный анализ российско-китайских подходов демонстрирует, что, несмотря на существующие различия, общий вектор развития направлен на поиск совместных механизмов равноправного взаимодействия. Россия акцентирует внимание на культурном наследии, Китай — на гармонизации общечеловеческих ценностей. Современные глобальные вызовы требуют синергии этих подходов для достижения устойчивого и справедливого партнерства цивилизаций. Эволюция понятия «партнерство» отражает стремление научного сообщества к более глубокому пониманию ме-

ханизмов взаимодействия, являющихся основой для разработки новых моделей сотрудничества в трансформирующемся мире.

Методология и данные

Интеграция на базе Евразийского экономического союза (ЕАЭС) активно развивается, как вглубь, так и вширь. Систематизация существующих у ЕАЭС договорённостей позволяет говорить о существовании более широкого, чем ЕАЭС, интеграционного контура — Большого Евразийского партнёрства, к которому логично отнести страны-партнёры ЕАЭС в Азии, Европе, Северной Африке (основываясь на том, что ООН к Большой Евразии относит и семь северных её стран). Можно предложить следующую градацию перспективного пространства БЕП по уровню интенсивности сотрудничества¹:

1 уровень: сам ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения);

2 уровень: с добавлением стран, с которыми у ЕАЭС заключены соглашения о свободной торговле (Вьетнам, Сербия, Сингапур) и иные торговые соглашения (Иран, КНР);

3 уровень: с добавлением стран, с которыми у ЕАЭС разрабатываются торговые соглашения (Египет, Индия, Индонезия, Израиль, Монголия, ОАЭ);

4 уровень: с добавлением евразийских стран, с кем ЕАЭС взаимодействует по меморандумам (Бангладеш, Иордания, Камбоджа, Марокко, Молдавия, Таиланд, Узбекистан (наблюдатель в ЕАЭС), Фарерские острова, Мьянма);

5 уровень: с добавлением стран ШОС, с которыми ЕАЭС сотрудничает по меморандуму (Таджикистан (также — член Евразийского банка развития), Пакистан);

6 уровень: с добавлением евразийских стран, входящих в группу БРИКС (Эфиопия, Саудовская Аравия);

7 уровень: с добавлением стран, изъявлявших намерение заключить соглашение или обсуждать его с ЕАЭС (Тунис, Филиппины).

Цель и значение данной классификации состоит в том, чтобы показать, что БЕП неоднородно: с его странами у России составлены документы, дающие возможность организовать сотрудничество разной степени глубины.

Помимо этого, ЕАЭС связан с другими странами Евразии по меморандумам о взаимодействии между организациями (с СНГ, АСЕАН, Африканским союзом).

Что касается дальнейшего методического обеспечения, то в рамках исследования:

— посредством анализа отраслевой и инструментальной структуры сотрудничества внутри БЕП выделены важнейшие сферы этого сотрудничества, к которым отнесены природно-энергетическая, продовольственная, технологическая, кадровая, интеллектуальная, инфраструктурная, валютно-финансовая. Каждая сфера включает в себя: 1) ресурсы; 2) составляющие экономической безопасности БЕП; 3) потенциал взаимодействия стран, выражаемый в конкретных приоритетных проектах (примеры обоснованы в разделе «Обсуждение»);

— оценена роль РФ и КНР в каждой сфере. Для этого для каждой сферы найдены показатели, отражающие потенциал функционирования БЕП как единого экономического пространства, этот потенциал измерен для всех выделенных выше уровней БЕП (как доля БЕП в мировых ресурсах или ресурсах G7), и в нём рассчитана доля РФ и КНР;

— обоснованы перспективные направления развития сотрудничества в каждой сфере. Для этого методами экономико-географического, экономико-статистического, исторического, логического анализа выявлялись возможности расширения торгово-экономического и инвестиционно-инфраструктурного сотрудничества, которые можно было бы реализовать через взаимодействие России и Китая.

Результаты: вклад РФ и КНР в формирование интеграционного потенциала БЕП

Анализ отраслевой и инструментальной структуры сотрудничества внутри БЕП позволяет выделить следующие важнейшие сферы этого сотрудничества, а анализ страновой статистики — оценить коллективные ресурсы по каждой сфере и роль РФ и КНР в каждой из них.

1. Природно-энергетическая. Из Постановления СФ ФС РФ о развитии интеграции в целях формирования БЕП следует важность для БЕП кооперационных проектов в энергетике². Здесь вклад России в ресурсный потенциал и безопасность БЕП наибольший, он превышает вклад КНР (табл. 1). Вместе с тем, если по площади суши (36 % при 20,6 % у КНР) и лесов (60,1 % при 16,4 % у КНР), традиционным энергоресурсам (12,1 % при 9,8 % у КНР) РФ

¹ Составлено по: Коллегия ЕЭК. Евразийская экономическая комиссия. <https://eec.eaeunion.org/comission/collegium-members> (дата обращения: 29.01.2025).

² Развитие экономической интеграции в целях формирования Большого Евразийского партнёрства: Постановление СФ ФС РФ № 150-СФ от 21.05.2025 г. <http://council.gov.ru/activity/documents/166648/> (дата обращения: 29.05.2025).

Таблица 1

Интеграционные контуры БЕП в природно-энергетической сфере (2021 г.)

Table 1

Integration Contours of the Greater Eurasian Partnership (GEP) in the Natural Resources and Energy Sector (2021)

Уровни интенсивности сотрудничества	Площадь суши	Запасы ископаемого горючего	Площадь лесов
	в % от мировых		
1	15,0	14,5	20,5
2	23,8	30,4	26,7
3	29,6	41,6	31,1
4	31,5	41,7	32,8
5	32,2	41,8	32,9
6	34,7	46,8	33,3
7	35,1	46,8	33,5
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	36,0/20,6	12,1/9,8	60,1/16,4

Примечание: уровни БЕП описаны в разделе «Методология». В таблицах 2, 3, 5, 6 при отсутствии мирового значения рассчитывалось отношение к значению G7.

Источник: рассчитано авторами для таблиц 1–7 по данным: показатель горючего — BP (2021). Statistical Review of World Energy (p. 16, 34, 46, 68). <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>; таблица 7 — IMF (2024, April). World Economic Outlook Database. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April>; показатели молока и масла — FAO UN. Food Balances (2010–...). <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>, остальные показатели — World Development Indicators. World Bank. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 27.08.2024; для FAO UN: 26.03.2025).

Таблица 2

Интеграционные контуры продовольственной сферы БЕП (2022 г.)

Table 2

Integration Contours of the GEP in the Food Sector (2022)

Уровни интенсивности сотрудничества	Производство в % от мировых		
	молока	подсолнечного масла	зерновых
1	5,3	32,4	6,0
2	10,8	35,1	29,0
3	34,9	35,7	44,0
4	37,8	36,3	49,0
5	44,7	36,6	50,6
6	45,5	36,6	51,7
7	45,6	36,6	52,7
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	7,8/9,4	80,9/4,1	9,5/39,3

вносит в БЕП наибольший вклад, то у КНР более развиты мощности зелёной энергетики, на них приходится около трети мирового значения (по установленной электрической мощности ВИЭ на конец 2021 г.)¹.

2. Продовольственная. Для её обеспечения важную роль играет доля стран в сельскохозяйственных угодьях, которая в 2021 г. для 7-го уровня БЕП составляет 37,3 % от мирового значения, в том числе 12,1 % у РФ и 29,2 %

у КНР, при этом по пахотным землям этот показатель почти в 2,5 раза превышает показатель G7, в том числе на долю РФ приходится 20,6 %, КНР — 18,4 %. Обеспеченность земельными ресурсами, а также применение в сельском хозяйстве передовых технологий, в том числе цифровых, у РФ и КНР определяет их лидирующие позиции и по отдельным видам продуктов питания (табл. 2).

3. Технологическая. Здесь Китай отчётливо занимает лидирующее позиции, на него приходится 2/3 производственных мощностей в обрабатывающем секторе БЕП, еще выше эта доля для высокотехнологичного и машинострои-

¹ Рассчитано по: РЭА. (2022). Возобновляемая энергетика в России и мире (с. 19–20). Москва: Минэнерго России. <https://rosenergo.gov.ru/upload/iblock/e04/3xtm87iv99x76b23c6wjul3as5pzz8zj.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).

тельного секторов (72,2 % и 73,6 % от БЕП соответственно) (табл. 3). Соотнесение большого вклада КНР в технологических ресурсах с большим вкладом РФ в ресурсах природно-энергетической и продовольственной сфер подтверждает вывод ряда экспертов о том, что РФ и КНР ресурсно дополняют друг друга, и сопряжение строительства ЕАЭС и ЭПШП, согласованное в 2015 г., основано не только на истории дружественных отношений, но и на ресурсной взаимодополняемости стран, их сопряжении по ресурсам. Однако, учитывая лидирующие позиции по ряду российских технологий, следует использовать это при реформатировании цепочек добавленной стоимости и создании таких цепочек, где на РФ приходится их узловые моменты, в том числе создаваемые в интересах совместных приоритетов.

4. Кадровая. Применительно к кадровой сфере (табл. 4), а также к природно-энергетической и инфраструктурной, следует отметить, что немалая доля вклада в БЕП обеспечивается странами помимо РФ и КНР. Это отражает ресурсную взаимодополняемость между РФ с одной стороны и этими третьими странами — с другой. Таким образом, сопряжение всех интеграционных контуров БЕП благоприятно в плане их совместного более результативного использования.

5. Интеллектуальная. Здесь вклад БЕП, как и в технологической сфере, обеспечивается во многом благодаря КНР, на которую приходится 95,4 % заявок на патенты и 92,8 % — на промышленные образцы. По числу исследователей на РФ приходится 1/10, а на КНР — 58 % БЕП (табл. 5).

Таблица 3

Интеграционные контуры БЕП в технологической сфере

Table 3

Integration Contours of the GEP in the Technological Sector

Уровни интенсивности сотрудничества	Производственные мощности — добавленная стоимость в промышленности, в % от мировой		
	в обрабатывающей (2022 г.)	в том числе в средне- и высокотехнологичной (к G7) (2020 г.)	в том числе в машиностроении (к G7) (2019 г.)
1	2,1	3,0	2,8
2	34,1	73,9	60,8
3	39,5	85,8	68,9
4	41,3	88,9	71,8
5	41,7	89,2	71,9
6	42,7	90,7	72,1
7	43,2	91,8	73,0
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	4,1/69,9	2,9/72,2	3,6/73,6

Таблица 4

Интеграционные контуры БЕП в кадровой сфере

Table 4

Integration Contours of the GEP in the Human Resources Sector

Уровни интенсивности сотрудничества	Число занятых (2022 г.) в ..., в % от мирового		
	промышленности	сельском хозяйстве	сфере услуг
1	2,9	0,8	3,5
2	35,6	22,1	25,6
3	57,6	52,3	40,6
4	62,2	59,0	44,9
5	64,6	62,1	46,7
6	65,4	66,2	48,5
7	66,6	67,5	50,2
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	3,5/44,2	0,7/27,7	5,7/39,7

Таблица 5

Интеграционные контуры БЕП в интеллектуальной сфере

Table 5

Integration Contours of the GEP in the R&D Sector

Уровни интенсивности сотрудничества	Число, в % от мирового		
	исследователей (2020 г.)	заявок на патенты	заявок на промышленные образцы
		2021 г.	
1	4,5	0,9	0,5
2	31,2	61,2	65,2
3	37,3	62,5	67,2
4	39,5	62,6	68,0
5	40,4	62,6	68,0
6	40,7	62,7	68,1
7	41,1	62,7	68,2
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	10,2/58	1,3/95,4	0,7/92,8

Таблица 6

Интеграционные контуры БЕП в инфраструктурной сфере (2021 г.)

Table 6

Integration Contours of the GEP in the Infrastructure Sector (2021)

Уровни интенсивности сотрудничества	Длина железнодорожных путей	Поток контейнеров в портах	Авиагрузоперевозки
	в % от мировых		
1	12,3	0,6	2,7
2	26,6	38,7	14,4
3	36,0	46,0	22,7
4	37,8	48,9	23,1
5	38,8	49,3	23,2
6	39,2	50,5	25,2
7	39,4	51,6	25,4
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	24,7/31,7	1,2/60,6	10,6/37,6

6. Инфраструктурная. Данная сфера представляется чрезвычайно актуальной, ей отводится важнейшая роль в обеспечении сопряжения инициатив, развития логистических цепочек и новых транспортных коридоров в БЕП. Особо следует отметить, что 2/3 потока контейнеров и более 1/3 авиагрузоперевозок в БЕП приходится на КНР. На долю РФ в воздушном транспорте в 2021 г. приходилось 10,6 % от общего показателя БЕП и почти 1/4 железнодорожных путей БЕП (табл. 6).

7. Валютно-финансовая. Здесь БЕП, как и во многих других сферах, достигает внушительных размеров, на КНР приходится 65,9 % валовых инвестиций БЕП, 51,8 % международных резервов БЕП и 48,8 % рыночной капитализации, хотя по рыночной капитализации компаний остаётся пространство для развития, т. к. доля БЕП от мирового составляет только 1/4

(табл. 7). Учитывая имеющийся у России, КНР, Индии, ОАЭ и других стран БЕП опыт в преодолении санкционных ограничений в платежно-финансовой сфере и достижения в цифровизации валютно-финансовых расчетов, обмен этим опытом для наращивания ресурсов во всех сферах — это ещё одна область перспективного сотрудничества стран БЕП.

Обсуждение: российско-китайское взаимодействие как важнейший интеграционный контур развития потенциала БЕП

Анализ интеграционных контуров БЕП, отражающих его интеграционный потенциал, и роли РФ и КНР в этом потенциале позволил предложить перспективные направления развития сотрудничества в рамках БЕП в каждой из выделенных сфер.

Таблица 7

Интеграционные контуры БЕП в валютно-финансовой сфере

Table 7

Integration Contours of the GEP in the Monetary and Financial Sector

Уровни интенсивности сотрудничества	Международные резервы (2022 г.)	Валовые инвестиции* (2023 г.)	Рыночная капитализация национальных компаний (2022 г.)
	в % от мировых		
1	4,5	2,3	0,6
2	30,9	30,5	15,4
3	38,5	37,4	21,2
4	41,1	38,7	22,0
5	41,2	38,9	22,0
6	44,7	40,1	24,8
7	45,4	40,5	25,1
Вклад РФ/КНР в показатель 7-го уровня БЕП	9,1/51,8	4,7/65,9	2,3/48,8

*Расходы на прирост основных фондов экономики + чистые изменения в уровне запасов + чистые приобретения — вы-
бытие основных фондов (СНС 1993 г.).

1. Природно-энергетическая. Поскольку на долю БЕП по показателям данного блока приходится более одной трети и почти половина от мировых запасов горючего, и совместный вклад России и Китая в общие показатели БЕП по этому блоку составляет от 1/5 до 3/4 (табл. 1), а также по причине отнесения энергетической безопасности к важнейшему приоритету национального развития, представляется необходимой активизация скоординированной политики в этой сфере, включая создание совместной биржи с котировкой цен в валютах стран-участниц. Примером может выступать обсуждение образования Россией, Казахстаном и Узбекистаном тройственного газового союза, в том числе для экспорта в Китай, поднимающего стратегическое сотрудничество в области энергетики на качественно новый уровень. Также может быть создана межстрановая рабочая группа (например, в рамках ЕАЭС, ЕАЭС+), занимающаяся централизованной обработкой и мониторингом внешнеторговых и производственных планов, возникающих на рынке проблем и поиском совместных путей решения.

2. Не менее значимой в глобальном масштабе является продовольственная проблема, относящаяся также к важнейшей как на пространстве БЕП, так и в российско-китайском взаимодействии. Страны могут, учитывая их сельскохозяйственные ресурсы и отдельные ведущие позиции (табл. 2), кооперироваться с целью образования единого рынка продовольствия и контроля уровня коллективной продовольственной безопасности. В продовольственный консорциум могли бы войти и партнёры ЕАЭС, например, Египет (с ним ЕАЭС разрабатывает торговое со-

глашение). 49 % его экспорта 2021 г. в Россию — фрукты, 28 % — овощи, например, картофель¹.

3. Технологическая. Учитывая накопленный технологический ресурс и ведущие мировые позиции КНР (табл. 3), перспективно как встраивание российских производителей в производство по китайским технологиям, локализуемые на российской территории, так и локализация производства по российским технологиям в Китае с целью обеспечить на фоне санкций решение задач импортозамещения (в том числе из других стран БЕП). Совместное заявление о сопряжении ЕАЭС с ЭПШП от 2015 г. предусматривает также образование совместных индустриальных парков (разд. II). В качестве примера можно привести развитие российско-китайского торгово-промышленного парка в провинции Ляонин (г. Шэньян) в экономической зоне Ляочжун совместно с РЭЦ, открывшегося в феврале 2023 г. В первом фестивале-ярмарке российских товаров «Сделано в России», открывшемся в Шэньяне 27.01.2024, участвовали компании примерно из 30 российских регионов².

4. С предыдущим блоком тесно связана кадровая составляющая. Учитывая традиционно высокий уровень и престиж российского образования, в том числе на территории СНГ, востребованной может быть целевая подготовка

¹ Маслов, А. А., Свиридов, В. Ю., Коломин, В. О., Тангаева, А. В., Великих, Г. П., Ерохина, С. А. (2022, 15 июня). Россия — Египет: траектория сотрудничества. Росконгресс. <https://roscongress.org/materials/rossiya-egipet-traektoriya-sotrudnichestva> (дата обращения: 21.01.2025).

² В китайском Шэньяне открылся первый фестиваль-ярмарка «Сделано в России». Правительство РФ. <http://government.ru/news/50706/> (дата обращения: 16.07.2025).

Россией специалистов стран ЕАЭС+ для совместных с Китаем предприятий в отраслях, где Россия имеет общепризнанные компетенции и опыт. Это способствует вкладу России в развитие наставничества, обмен компетенциями, технологиями, техниками менеджмента, а страны ЕАЭС+ и БЕП обеспечивает высококвалифицированными кадрами, способными совместно решать задачи технологического развития и сотрудничества.

5. Интеллектуальная. Учитывая большой интеллектуальный ресурс КНР и значительный российский ресурс (10,2 % исследователей БЕП) (табл. 5), в качестве потенциального направления можно предложить создание Россией и другими странами БЕП с участием Китая технологических альянсов в высокотехнологичных сферах. Каждая страна БЕП, являясь владельцем отдельных значимых элементов технологического производства, участвует в создании соподчиненных цепочек добавленной стоимости, не зависящих от западных участников, в ходе чего за Россией закрепляются узловые моменты участия. Для стран БЕП Россия выступает технологическим партнёром по взаимодействию с Китаем, что диверсифицирует географическую структуру их технологического импорта и позволяет повысить уровень переработки товаров, предназначенных для экспорта в Китай.

6. Инфраструктурная. В этом важнейшем блоке можно выделить стратегические задачи по развитию совместных транспортных коридоров и тактические, связанные с гармонизацией процессов, обеспечивающих минимизацию транспортно-логистических расходов. Страны-члены и партнёры ЕАЭС, расположенные на пути между Россией и Западным Китаем (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), Вьетнам, (лежащий на линии Россия — Восточный Китай и страны, торговые соглашения которых с ЕАЭС заключены или обсуждаются (Иран, Индия, Индонезия и Монголия), могут создать ассоциацию сборных грузоперевозок между Россией и её юго-восточным зарубежьем с использованием цифровых технологий и необходимой поддержки при решении возникающих вопросов, в том числе в сфере страхования.

7. Валютно-финансовое взаимодействие. Внушительность международных резервов БЕП (табл. 7) и обеспеченность их финансовыми ресурсами производственно-технологической базой свидетельствуют в пользу реализуемости идеи о единой со странами-партнёрами расчётной единице, которая уже давно обсуждается. Россия и Китай как крупные экономики, обладающие значительными между-

народными резервами и экономическим потенциалом, могут внести существенный вклад в создание как единого расчётного консорциума, так и инструментов и институтов инвестиционного сотрудничества.

Заключение

Таким образом, аргументы в пользу сопряжения интеграционных контуров в рамках БЕП показывают, что его развитие зависит не только от геоэкономических и геополитических факторов, но и от способности стран учитывать межцивилизационные особенности, включая геокультурные, инфраструктурные и социальные феномены. Партнёрство цивилизаций становится необходимой теоретической и практической базой для реализации масштабных международных проектов в евразийском пространстве.

Проведенный анализ позволил выделить в рамках БЕП семь уровней интенсивности взаимодействия: от самого ЕАЭС до стран, имеющих намерение заключить торгово-экономическое соглашение с ним. Фактически БЕП характеризует этапы и контуры сопряжения между ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Каждому уровню БЕП соответствует широкий спектр набора сфер торгово-экономического, финансово-инвестиционного, производственно-инфраструктурного сотрудничества. БЕП представляет собой широкий и гибкий интеграционный контур, который может быть расширен за счёт «мягкого» взаимодействия с существующими, институционально оформленными и зарекомендовавшими себя интеграционными форматами.

Для выделенных семи важнейших сфер взаимодействия стран БЕП проведена оценка предложенных показателей и их распределение между уровнями, с отдельным выделением доли РФ и КНР с целью отражения интеграционных преимуществ БЕП и ролей России и Китая в его развитии. Анализ показал, что наиболее значимый вклад в БЕП Россией обеспечивается в природно-энергетической, инфраструктурной и продовольственной сферах, Китаем — во всех сферах (уступая России в природно-энергетической и частично в продовольственной), особенно в технологической, интеллектуальной и валютно-финансовой. Предложены направления развития перспективного пространства сотрудничества для реализации интеграционного потенциала БЕП. Подтверждена выдвигавшаяся гипотеза о том, что в БЕП именно Россия и Китай играют важную роль драйверов взаимодействия, а сотрудничество России и КНР с третьими

странами в рамках БЕП имеет высокую значимость для развития перспективного пространства сотрудничества. В данном случае БЕП является не просто сопряжением инициатив (ЕАЭС и ЭПШП), а интеграционных форматов ведущих акторов этих инициатив — России и Китая.

Таким образом, проведенный анализ позволил обосновать интеграционные контуры БЕП и выявить роль России и Китая в качестве

драйверов его развития. Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты представляют собой не только методический инструментарий оценки интеграционных контуров перспективного пространства БЕП, но и научный задел для новой интеграционной парадигмы в условиях трансформации мирохозяйственных связей.

Список источников

- Андреева, Е. Л., Сапир, Е. В., Карх, Д. А., Карачев, И. А. (2019). Компаративный анализ внешнеэкономического развития фармацевтического сектора в РФ и США. *Экономика региона*, 15(2), 576–589. <https://doi.org/10.17059/2019-2-20>
- Бабаев, К. В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток. *Экономика Центральной Азии*, 8(2), 91–110. <https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012>
- Бабаев, К. В., Картунов, А. В., Фэн, Ю., Гао, Ц. (2023). *Российско-китайский диалог: модель 2023*. Москва: НП РСМД, 88.
- Бордачев, Т. В. (2015). Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим. *Россия в глобальной политике*, 13(5), 194–205.
- Герасимов, В. И., Коданева, С. И. (2023). Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества. *Век глобализации*, (2), 90–101. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08>
- Гавритухин, А. В., Иванова, Н. И. (2023). Особенности развития российско-китайских внешнеторговых отношений в 2019–2023 гг. *Экономические отношения*, 13(4), 819–830. <https://doi.org/10.18334/eo.13.4.119250>
- Глазьев, С. Ю. (2021). Как построить Большое евразийское партнерство? *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 15(3), 9–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14>
- Глазьев, С. Ю. (2024). О повестке опережающего развития в новом мирохозяйственном укладе. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 18(3), 9–10. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-9-10>
- Карпова, А. А. (2022). Торгово-экономическое взаимодействие России и Китая в Арктике. *Российский внешнеэкономический вестник*, (3), 113–120. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-3-113-120>
- Лукин, А. В. (2020). Россия и Китай в Большой Евразии. *Полис. Политические исследования*, (5), 46–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>
- Луконин, С. А., Вахрушин, И. В. (2023). Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций. *Россия и АТР*, (1), 160–180. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180>
- Рыбина, М. В. (2013). Цивилизационный подход: возможности и перспективы. *Известия МГТУ «МАМИ»*, 7(1-6), 70–77. <https://doi.org/10.17816/2074-0530-67795>
- Ракова, К. В. (2021). Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона. *Проблемы цивилизационного развития*, 3(2), 20–50. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-2-20-50>
- Санай, М. (2015). Глобализация и мультикультурализм: изменение в понятиях и основах. *Век глобализации*, (2), 48–58.
- Санкин, Л. А. (ред.) (2008). *Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г.* Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 528.
- Спартак, А. Н. (2018). *Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России*. Москва: ВАВТ Минэкономразвития России, 456.
- Фомина, М. Н. (2022). Новая модель диалога в контексте российско-китайского гуманитарного сотрудничества. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, (5-1), 556–558.
- Хэ, М., Шкваря, Л. В., Ван, С. (2020). Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля. *Азия и Африка сегодня*, (11), 11–16. <https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7>
- Шкваря, Л. В., Фролова, Е. Д. (2022). Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. *Экономика региона*, 18(2), 479–493. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>
- Alesina, A., & La Ferrara, E. (2005). Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 43(3), 762–800.
- Diamond, A. (2024). A globalization diversity ideology. *SN Social Sciences*, 4, 35. <https://doi.org/10.1007/s43545-024-00847-3>
- Giddens, A. (2000). *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. London: Routledge, 120.
- Gross-Golacka, E., & Martyniuk, A. (2024). Globalisation and the Challenges of Managing Cultural Diversity: From Multiculturalism to Interculturalism. *Journal of Intercultural Management*, 16(3), 37–57. <https://doi.org/10.2478/joim-2024-0010>
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 369.

- Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, Technological and Innovation Cooperation Between China and Russia in the New Era: Reshaping the Model and Choosing an Approach from the Perspective of Chinese Experts. *Studies on Russian Economic Development*, 33(6), 656–662. <https://doi.org/10.1134/S1075700722060053>
- Koopmans, R. (2013). Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison. *Annual Review of Sociology*, 39(1), 147–169. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145630>
- Li, Y. (2018). The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>
- Li, Z. (2017). The Greater Eurasian Partnership: Remodeling the Eurasian Order? *China International Studies*, 46–65.
- Rodrik, D. (1997). *Has Globalization Gone Too Far?* Washington, DC: Institute for International Economics, 128.
- Sen, A. (2006). *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. New York: W.W. Norton & Company, 240.
- Stiglitz, J. E. (2002). *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton & Company, 288.
- Zhao, H. (2018). Greater Eurasian Partnership: Chinas Perspective. *China International Studies*, 68(1), 68–84.

References

- Alesina, A., & La Ferrara, E. (2005). Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 43(3), 762–800.
- Andreeva, E. L., Sapir, E. V., Karkh, D. A., & Karachev, I. A. (2019). Comparative Analysis of Foreign Economic Development of Pharmaceutical Sector in Russia and the USA. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(2), 576–589. <https://doi.org/10.17059/2019-2-20> (In Russ.)
- Babaev, K. V. (2024). The idea of Greater Eurasia and the Russian economy's turn to the East. *Ekonomika Tsentral'noi Azii [Journal of Central Asia Economy]*, 8(2), 91–110. <https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012> (In Russ.)
- Babaev, K. V., Kortunov, A. V., Feng, Y., & Gao, J. (2023). *Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2023 [Russian-Chinese Dialogue: The 2023 Model]*. Moscow: RIAC, 88. (In Russ.)
- Bordachev, T. V. (2015). New Eurasianism – how to make interface working. *Rossiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]*, 13(5), 194–205. (In Russ.)
- Diamond, A. (2024). A globalization diversity ideology. *SN Social Sciences*, 4, 35. <https://doi.org/10.1007/s43545-024-00847-3>
- Fomina, M. N. (2022). New model of dialogue in context of the Russian-Chinese humanitarian cooperation. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]*, (5-1), 556–558. (In Russ.)
- Gavritukhin, A. V., & Ivanova, N. I. (2023). Characteristics of developing Russian-Chinese foreign economic relations in 2019–2023. *Ekonomicheskie otnosheniya [Journal of International Economic Affairs]*, 13(4), 819–830. <https://doi.org/10.18334/eo.13.4.119250> (In Russ.)
- Gerasimov, V. I., & Kodaneva, S. I. (2023). Greater Eurasia: National and civilizational aspects of development and cooperation. *Vek globalizatsii [Age of globalization]*, (2), 90–101. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08> (In Russ.)
- Giddens, A. (2000). *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Routledge.
- Glazhev, S. Yu. (2021). How to Build a Great Eurasian Partnership? *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*, 15(3), 9–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14> (In Russ.)
- Glazhev, S. Yu. (2024). On the Agenda of Advanced Development in the New World Economic Order. *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*, 18(3), 9–10. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-9-10> (In Russ.)
- Gross-Golacka, E., & Martyniuk, A. (2024). Globalisation and the Challenges of Managing Cultural Diversity: From Multiculturalism to Interculturalism. *Journal of Intercultural Management*, 16(3), 37–57. <https://doi.org/10.2478/joim-2024-0010>
- He, M., Shkvarya, L. V., & Wang, X. (2020). China: socio-economic development and foreign trade. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*, (11), 11–16. <https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7> (In Russ.)
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 369.
- Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, Technological and Innovation Cooperation Between China and Russia in the New Era: Reshaping the Model and Choosing an Approach from the Perspective of Chinese Experts. *Studies on Russian Economic Development*, 33(6), 656–662. <https://doi.org/10.1134/S1075700722060053>
- Karpova, A. A. (2022). Sino-Russian Trade and Economic Cooperation in the Arctic. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, (3), 113–120. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-3-113-120> (In Russ.)
- Koopmans, R. (2013). Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison. *Annual Review of Sociology*, 39(1), 147–169. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145630>
- Li, Y. (2018). The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 94–99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>
- Li, Z. (2017). The Greater Eurasian Partnership: Remodeling the Eurasian Order?. *China International Studies*, 46–65.
- Lukin, A. V. (2020). Russia and China in Greater Eurasia. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (5), 46–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04> (In Russ.)
- Lukonin, S., & Vakhrushin, I. (2023). Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation amid Anti-Russian Sanctions. *Rossiia i ATR [Russia and the Pacific]*, (1), 160–180. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180> (In Russ.)

- Rakova, K. V. (2021). The clash or cooperation of civilizations? Current reviews of Huntington's theory from western specialists. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya [Civilization studies review]*, 3(2), 20–50. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-2-20-50> (In Russ.)
- Rodrik, D. (1997). *Has Globalization Gone Too Far?*. Institute for International Economics.
- Rybina, M. V. (2013). Civilizational approach: opportunities and prospects. *Izvestiya MGTU "MAMI"*, 7(1-6), 70–77. <https://doi.org/10.17816/2074-0530-67795> (In Russ.)
- Sanai, M. (2015). Globalization and multi-culturalism: changing in terms and backgrounds. *Vek globalizatsii [Age of globalization]*, (2), 48–58. (In Russ.)
- Sankin, L. A. (Ed.) (2008). *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: VIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 22-23 maya 2008 g. [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: VIII International scientific readings named after D. Likhachev (May, 22-23, 2008)]*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 528. (In Russ.)
- Sen, A. (2006). *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. W. W. Norton & Company.
- Shkvarya, L. V., & Frolova, E. D. (2022). Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions. *Ekonomika region [Economy of regions]*, 18(2), 479–493. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13> (In Russ.)
- Spartak, A. N. (2018). *Sovremennye transformatsionnye protsessy v mezhdunarodnoi torgovle i interesy Rossii [Contemporary transformation processes in international trade and interests of Russia]*. Moscow: Russian Foreign Trade Academy, 456. (In Russ.)
- Stiglitz, J. E. (2002). *Globalization and Its Discontents*. W. W. Norton & Company.
- Zhao, H. (2018). Greater Eurasian Partnership: Chinas Perspective. *China International Studies*, 68(1), 68–84.

Информация об авторах

Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56211711000; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Ратнер Артем Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56385242900; <https://orcid.org/0000-0001-7173-5328> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

Ильясов Пётр Владимирович — ведущий экономист, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-5758-4527> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: ilyasov.pv@uiec.ru).

About the authors

Elena L. Andreeva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Centre of Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56211711000; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Artem V. Ratner — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre of Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56385242900; <https://orcid.org/0000-0001-7173-5328> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

Petr V. Ilyasov — Senior Economist, Centre of Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5758-4527> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ilyasov.pv@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 30.01.2025.

Прошла рецензирование: 27.03.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 30 Jan 2025.

Reviewed: 27 Mar 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.